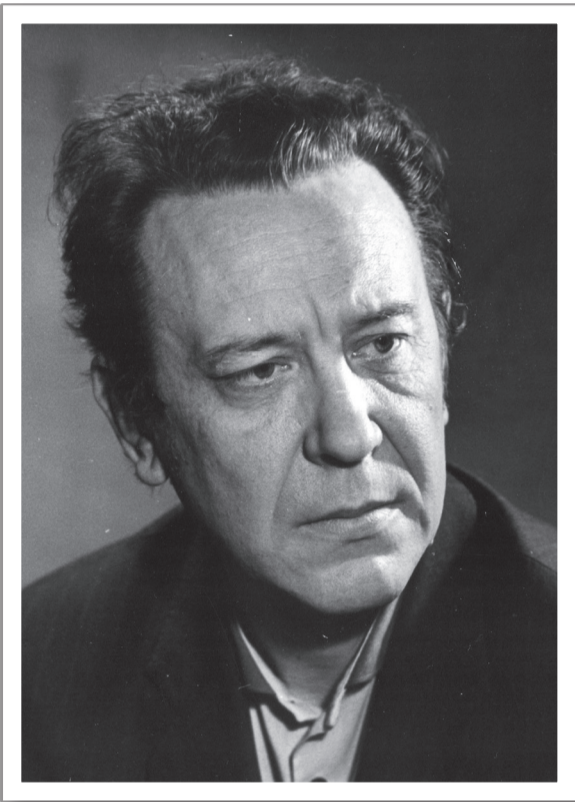

Вячеслав ЛЮТЫЙ

Рождественская ель

Поэт и христианство

Так откройтесь дыханию куста,
Содроганью зарниц
И услышите голос Христа,
А не шорох страниц.

Юрий Кузнецов

лавянского обретаю свои пропорции, не похожие ни на что другое. По прошествии веков, таким образом, сложились два взгляда на русскую православную веру.

Один — строгий церковный, догматически правильный и непримиримый к народным приметам, исток которых теряется в глубокой древности. Другой — сугубо народный, бережно сохраняющий осколки мистики архаических времён. Причём сухой церковной «букве» часто сопутствовала «неправильная» христианская доброта простых мирян. И напротив, жестокие нравы селян порой смиряла истинно апостольская последовательность деревенского батюшки. Здесь важно отметить, что «двоеверные» приметы во всей

своей полноте проявляются в существовании «на земле», в городе они угасают, вырастают и подвергаются самым разным вольным искажениям.

Между тем родовая славянская мистика для русской культуры имеет исключительно важное художественное значение. Не случайно А. Афанасьев назвал древние воззрения славян на природу «поэтическими». Также и всё христианское удивительно преображает русское литературное и фольклорное слово. И потому стоит говорить о «двоеверии» русского народа не как о досадном недостатке, который с веками почему-то не исправляется и не исчезает, но как о корневом народном свойстве. Его стоит изучать, а попутно создавать художественные образы, которые будут утверждать то главное, что способно удерживать и укрепить русскую жизнь — её родовое начало. Потому что другого русского народа — «правильного», соответствующего догматическим «прописям», христианизации стерильного — у нас нет. А тот, к которому мы принадлежим, обладает рядом особенностей, и они сообщают его облику удивительное обаяние и глубину.

Так художественный мир Юрия Кузнецова оказывается в эпицентре дискуссий о народном русском характере и о духовной принадлежности русского человека.

Известно, что, приступая к созданию поэм о Христе, Кузнецов стремился показать живого Спасителя. В этом намерении нет авторского желания представить Сына Человеческого «плотью и кровью» (к чему тяготеет, скорее, западное католическое сознание) — в противовес Его исключительно книжному облику. Главным в творческой задаче было другое: нарисовать «словесную икону», которая явила бы читателю живой характер Иисуса: Его грусть, смех, жалость, гнев, задумчивость, принадлежность к бытовому человеческому миру и одновременно — высоту Божественного парения над этой обителью страданий и горечи, лжи и минутного торжества.

Поэмы полны скрытых знаков и предзнаменований, смыслы множатся и никогда не превращаются в плоскую дидактику, что так свойственно протестантской литературе. Повествование же отличается определённой русификацией Предания — она сказывается очень часто в бытовых наблюдениях автора, в движениях характера

главного героя, в стиле авторской речи. И здесь строгие евангельские сюжеты отчетливо сближаются с фольклорными русскими духовными стихами.

В евангельских текстах крайне мало знакомых каждому по обыденной жизни мимических и душевно-психологических черт Христа. Погружённый в бытовую среду человеческого существования, Сын Божий, по логике земных событий, должен уставать, радоваться, проявлять нежность, быть молчаливым, шутить, сокрушаться...

Народ восполняет этот информационный пробел в духовных стихах, приближая Бога к каждому маленькому человеку, прекрасно владея чувством меры и не скрадывая дистанцию между погружённым в свету обычным смертным — и Победившим смерть. Небо оказывается рядом с простолудиною, ангел может разговаривать как-то по-житейски, демоны являют свою злобу в узнаваемых земных формах, предметы полны скрытых до времени значений. И всё это связано воедино лиризмом повествования, разговорностью ритма и, практически, полным отсутствием высокопарности.

В такую христианскую канву влетает таинственный мир старой славянской мистики, которая связана с природными явлениями и прежним укладом, на протяжении веков сохранявшим связь человека с землёй, водой, огнём и воздухом. Однако это причудливое духовное соединение родового и христианского языческого пантеона славянских богов. Удивительным образом народное сознание переустроило образ Вселенной, срастив органическое присутствие человека в мире с нравственной иерархией бытия. Сегодня, говоря о народной вере и Православии, необходимо ценить их взаимное присутствие в русском ментальном пространстве.

Приближаясь к земле, всё небесное испытывает её тягу, появляются тонкие корневые нити, которые нельзя предусмотреть заранее. В свою очередь, всё земное, устремляясь к небу, освобождается от второстепенного — в самом последнем, апокалиптическом смысле такого определения. Это напоминает контур рождественской ели: нижние ветви стелятся по земле, растут по-над почвой, а вершина, будто стрела, оттолкнувшись от земли, смотрит в небо. Подобный образ похож на русское родовое древо, к которому привито Православие.

Юрий Кузнецов первым осознал смысловую широту и художественное богатство целостного восприятия славянской традиции и христианской веры. Ещё звучат запальные обвинения поэта в кощунстве, в нарушении «буквы» Предания. Однако с каждым годом читатель всё более понимает: трагическая сложность русской жизни, загадочный космос русской мистики, простота и искренность русской православной веры — были поняты и художественно воссозданы Кузнецовым как никем другим в отечественной литературе.

Русское бытие в его безбрежности и русский характер в его теплоте, удали и стоицизме — вот два важнейших вектора поэзии Юрия Кузнецова и одновременно — никем и никогда не отменяемая задача нашей великой литературы: вчера, сегодня и завтра.

Юрий Кузнецов

Атомная сказка

Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад,
Как Иванушка во поле вышел
И стрелу запустил наугад.

Он пошёл в направленьи полёта
По серебристому следу судьбы,
И попал он к лягушке в болото
За три моря от отчей избы.

— Пригодится на правое дело! —
Положил он лягушку в платок.
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.

В долгих муках она умирала,
В каждой жилке стучали века,
И улыбка познания играла
На счастливом лице дурака.

Гимнастёрка

Солдат оставил тишине
Жену и малого ребёнка
И отличился на войне...
Как известила похоронка.

Зачем напрасные слова
И утешение пустое?
Она вдова, она вдова...
Отдайте женщине земное!

И командиры на войне
Такие письма получали:
«Хоть что-нибудь верните мне...»
И гимнастёрку ей прислали.

Она вдыхала дым живой,
К угрюмым складкам прижималась,
Она опять была женой.
Как часто это повторялось!

Годами снился этот дым,
Она дышала этим дымом —
И ядовитым, и родным,
Уже почти неуловимым...

...Хозяйка юная вошла.
Пока старуха вспоминала,
Углы от пыли обмела
И — гимнастёрку постирала.

Возвращение

Шёл отец, шёл отец невредим
Через минное поле.
Превратился в клубящийся дым —
Ни могилы, ни боли.

Мама, мама, война не вернёт...
Не гляди на дорогу.
Столб крутящейся пыли идёт
Через поле к порогу.

Словно машет из пыли рука,
Светят очи живые.
Шевелятся открытки на дне сундука
— Фронтвые.

Всякий раз, когда мать его ждёт, —
Через поле и пашню
Столб клубящейся пыли бредёт,
Одинокий и страшный.